

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №12 ГАЗЕТА

Александр Леонидов / Ключ от Ничего





В поисках света

Эта книга возникала у меня на глазах. И выростала она странным образом — не из корней, не из ствола, а словно бы из ничего, из листиков и веточек, из кроны — сверху вниз. Потом и ствол нарисовался и укоренился — всё сошлось в стройной архитектуре проявленного замысла, где уже о случайности не может быть речи.

Дело ещё в том, что некоторые свои литературные листики и веточки Пряхин Георгий Владимирович присылал мне по электронной почте — по мере их появления. Обычные писатели мысли и впечатления ревниво складывают в копилку, чтобы потом наконец, когда ситуация созреет, угнездиться у творческой лампы.

Пряхин говорит, что долго вытравливал из себя журналиста, к счастью, дело это не довёл до конца — недаром своей рукой вывел вслед за заглавием книги: «по горячим следам». Реакция на события у него прежняя — репортёрская. Вернее, не на события, не хочется упрощать, скорее — на температуру в социуме. Россия под его пером — как ледокол, который то взламывает лёд, то вмерзает в него. Нас сопровождают разочарования, тревоги, фантомные боли по утраченной империи... Это взгляд уже не только журналиста, но человека, всерьёз побывавшего во власти, работавшего с первыми лицами государства. И это ещё одно измерение книги, где авторское «я» существует почти в космическом диапазоне. Тут и ностальгический экскурс в собственное послевоенное детство, и прямое попадание на той

же волне воспоминаний в свиту президента СССР, где Георгий Пряхин — свидетель и участник переговоров — официальных и кулуарных — с сильными мира сего.

Так и идут по страницам «Красной зоны» эти две жизни. Из сиротского полуголодного детства со всем, что к нему прилагается, писатель извлекает столько всепобеждающего света, тепла и красоты, что хочется плакать, а знание природы власти позволяет ему моделировать сюжеты и картины шекспировского звуча-



ния. Таковы в моём представлении, по крайней мере, два рассказа — о двух встречах: Сталина с матерью, «выписанной» им из Гори и доставленной в Кремль, и Курчатова с Берией.

Чего только мы не читали о войне, но глазами Екатерины Джугашвили увидели его впервые. И взгляд старой женщины, любящей, конечно, своего единственного сына — единственного, кто

выжил из её детей — словно стирает другие версии. Мы получаем подлинник — такое ощущение. Вот, казалось бы, что нужно матери? Вся жизнь в нужде, и всевластный сын дарит ей беломраморный дворец, а она сбегает в пристройку к прислуге. Её усаживают в наркомовский салон-вагон, а она на ближайшей остановке просит заселить его пассажирами с детьми и уходит в купе к проводникам. Сын смотрит со всех плакатов, лик будто высечен из камня, а ей больно смотреть — не он!

Я задумался над историей с натальным крестиком, который мать сыну повязала, а потом получила его назад — уже в поезде, уезжая домой. Неужели это правда? И мать облила медный крестик слезами... Дело, конечно, не в крестике, а в попытке вернуть «прежнего Сосо». Но его уже не было.

Эта история и следующая — «Академик Курчатов едет к Лаврентию Берии» — воспринимаются как историческая реконструкция, настолько убедительны и в основе своей достоверны.

Георгий Пряхин в журналистской своей ипостаси ещё и телевизионщик, он знает, как строится картинка, как важны в ней не только главные герои, но и говорящие детали. Всё это есть в рассказе — и особняк, где обитал кремлёвский Мефистофель, и грузинское застолье, и разговор, как бы непринуждённый, но по сути своей опасный, округло и мягко ломающий Курчатова. Академику предстоит преступить черту, за которой он вряд ли сможет себя простить. Взрыв атомной бомбы, первое испыта-



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №12 /1881/ Основана в 1927 г.

Александр Леонидов

Ключ от Ничего

Роман

Чтобы воротить в начальственное равновесие господина Блефе, потребовалось пошататься по холмам в белых маскхалатах, напяленных неизвестно зачем, но с видом огромной значимости, расстрелять ящик с ветошью, валявшийся бесхозно и безобидно, и спугнуть из ящика мышь, недовольно затрусившую цепочкой следов в сторону перелеска. Мышь лишили дома и оглушили... Потом решили пострелять по льду озера, с намерением его взломать. Не взломать из охотничьих калибров — и подать гостью «четвёртый» калибр, почти базуку!¹

Блефе в очередной раз выпил поднесённую стопку, в очередной раз проглотил маринованный шампиньон, бабахнул из адского калибра по льду меж золотистой соломой зимнего камыша, и таки взломал. С чем его поздравили и снова налили.

Сухой, хрустящий на гиб балтийский мороз, казалось, склевывал гранулы снега до заиндевелых жухлых проплешин убористого пейзажа. Заставлял потирать перчаткой то нос, то ухо. Играл бликами на белом золоте наледей. Наследив изрядно по окрестностям, совершенно диким и безлюдным, но малоснежным, ведь зима на Финском заливе ближе к европейской, чёрной, чем к русской, простыло-простынной, вернулись к самобранкам капотов. А там служба уже поменяла приборы и блюда.

Здесь Осипа Германовича снова поили, и не только чаем, к Алине Игоревне подвели коня с дамским седлом, и она, легко, не по возрасту вскочив, показала умеренную вольтижировку. Это был, конечно, спектакль с выпуклой наигранностью. Никакая женщина, рождённая в СССР, не сядет в дамское седло, даже если и садится на коня! Но Очеплова лучше других понимала, что весь мир — театр...

Она выигрышно смотрелась именно в дамском седле, вся в мехах, в шапке-бойрке из красной канадской лисы, в песочной короткой шубке, отороченной хвостами, как эполетами. А главное — издали, когда не видно предательских мелких морщинок...

— И всё-таки она прекрасна... — тоном Галилея, обнаружив неожиданную романтическую нотку в голосе, сознался Осипу Германовичу Совенко, любуясь подельницей.

Блефе посмотрел на него плошками изумления, а потом, задавая тон искренности в предстоящем непростом разговоре, возразил:

— На мой взгляд, старовата...

— Знаете, дорогой Блефе, три вещи с возрастом только дорожают: вино, коллекционные машины и умные женщины!

Окончание. Начало см. в № 11 за 2021 год.

Блефе не хотел поддерживать разговора о коллекционировании антиквариата, перешёл к тому, зачем, собственно, приезжал, согласившись украсить собой перерезание помпезной ленточки.

— Хорошее это дело, метановые танки...

— Хорошее... — эхом согласился Совенко, всё ещё, как мальчишка, зачарованно любясь всадницей на холмах.

— И перспективное, наверно?

— Очень перспективное.

— Есть у вас такой доктор биологических наук Фадей Фарфоров. Питерская фамилия, и гонор тоже питерский... Брякнул давеча в интервью, видимо, ревнуя к Архимеду: «Дайте мне городские стоки — и я расщеплю их на чистую воду и газовую скважину!»

— Поговорил я с Фадеем Корнеевичем! — парировал Совенко. — Он больше так заявлять не станет. Ну, с кем не бывает?! Я вот тоже иной раз прессе такого ляпну, что прямиком к Президенту вызывают... Замечательный он учёный, Фадей Корнеевич, я ему так и сказал, прекрасный человек, но, говорю, «иной раз нас с вами заносит»...

— А можно это сделать?

— Что?

— То, о чём говорил Фарфоров?

— Конечно, можно. Мы и делаем, давно уже. Наше акционерное общество в каждом городе, где живёт больше миллиона, установило метановые танки возле очистных сооружений. Первый комплекс танков, кстати, возводил Фарфоров тут, в Петербурге... Так что сегодня вами открытые танки — дополнительные, вторая линия. За это Фарфоров и получил прозвище Гудериан, но не зовите его так в лицо: обижается. Я раз его в шутку назвал — так он чуть не уволился! Полдня перед ним извинялся...

— Вы?!

— А что вас удивляет, Осип Германович?

— Чтобы вы извинялись... полдня...

— Понимаете, когда разговариваешь с французом, надо говорить по-французски. Когда с блатным — ботать по фене. А когда с интеллигентом, то по-интеллигентски. Чего ж тут удивительного?! Разные люди — разные языки...

— Получается, что в каждом миллионнике у вас собственная газовая скважина?

— Получается, да. Если вам интересен процесс, то это старая советская технология. Метановый танк используется как звено водоочистных сооружений. Туда идёт смесь канализационных осадков, избыточный активный ил из вторичных отстойников. По методу доктора Фарфорова туда добавляют адсорбируемые коллоидные вещества с бурно размножающимися в них микроорганизмами. В итоге вся канализация делится на чистую воду и метан.

— Так просто?!

— Ну, Осип Германович, просто только кошки рожают... Да и то — лучше бы у кошки спросить, легко ли ей, чем за неё говорить! В девяностые Фарфорова за эту «простоту» чуть не убили, в рамках за-

чистки перспективных направлений советской науки...

— Но вы не дали? — догадался Блефе.

— А я не дал... Уголовщина хороша тем, что её можно не только нанять убивать, но охранять тоже нанять можно... Вопрос в одном: кто плательщик?

— Ну, и куда же идёт ваш биогаз? — ушёл от скользкой темы лощёный хлыщ Блефе. У него самого рыльце было в пушку. Обильном пушку из пушки 90-х, пальнувшей, в общем-то, рыловым пушком во всех и каждого...

— На внутренние нужды. Предприятиям корпорации.

— Создавая им конкурентные преимущества?

— Не начинайте, Осип Германович! — поморщился антикоррупционному пафосу, в этой обстановке явно неуместному, Совенко. — Да, наш газ значительно дешевле природного, но мы же его сами для себя делаем! Когда огородник выращивает себе бесплатно помидор — это дешевле, чем на рынке купить...

— А вы на рынок?.. — заволновался «засланный казачок».

— Что на рынок?

— Вы на внешний рынок газ не продаёте?

— Нет.

— И не собираетесь?

— Никоим образом.

— Не хотите, значит, с людьми поделиться? — подначивал и провоцировал Блефе.

— Осип Германович! — проникновенно начал Совенко, памятуя, что, разговаривая с соглядатаем, на самом деле разговаривает с Президентом, только через посредника, который, к тому же, может по глупости искажённо передать смысл. — Посмотрите на меня! Я скоро умру! У меня бывают отключающие параличи, временные, но в последний год они стали чаще... Я старый человек со скромными личными потребностями, и денег у меня не просто больше, чем мне нужно, а запредельно больше... И я очень хотел бы поделиться с людьми всем, что я знаю и умею, — потому что оно всё равно же сгниёт в могиле! Но, как говорит Евангелие, — «не имеют вместить».

— Чего не имеют вместить? — обиделся на такое лицемерие монополиста лазутчик президентской администрации. — Дешёвый газ вместо дорогого?! Он же меньше ценой, а не объёмами!

— Осип Германович, я хочу, чтобы вы поняли... — пристально взглянул на Блефе академик-олигарх. И мысленно внушил: «Дословно передай это своему «патрону». — Мы живём в обществе, в котором каждая новая технология оказывается «дарамии Смерти», потому что используется для уничтожения конкурентов. То есть для убийства людей людьми. Для нужд и обеспечения каннибализма. Дать этому человечеству биогаз — то же самое, что дать младенцу пригоршню крысиного яда...

— Что, теперь прогресс ради луддитов остановить?! — обывательски заспорил Блефе.

— Мы оказались в мире, где всякая новая технология — это война с теми, кто вложился в старые. Одна из базовых проблем капитализма — не в том, что нет новых технологий... А в том, что все побаиваются с ними связываться...

— Ну, вы-то не из пугливых!

— Ошибаетесь! Мой Гудериан, Фарфоров, рвётся в бой. И я знаю, что его танки, пусть они и метановые, легко разгромят газовую промышленность в приграничном сражении... Дальше что? Затяжная война с богатейшими людьми России и мира? Смерть огромной отрасли — а значит, и всех семей буровиков и трубоукладчиков? Метановые танки способны оторвать страны, привязанные к России газопроводами, и что тогда?

— Тогда... — замылся Блефе. — Если уж говорить в таком тоне глобальной ответственности... И по совести... Надо сжечь все метановые танки заодно с телом доктора Фарфорова... Потому что иначе это же просочится! Так или иначе — просочится...

Сколько бы Блефе ни провоцировал собеседника, на лице его был написан страх за газовую промышленность. Тот страх, которого ради он сюда и приехал разносить обстановку в корпоративных взаиморасчётах.

— Этого тоже нельзя сделать, — мягко поправил Совенко, — если мы верим в будущее человечества. Единжды научившись чему-то полезному, цивилизация не имеет права разучиться! Дешёвый газ, вы правы, создаёт конкурентные преимущества моим заводам, но не это главное, совсем не это, Осип Германович! Мы сохраняем в рабочем виде технологию, которая очень нужна будет людям завтрашнего дня.

— Но если кто-то заберётся в сейф к Фарфорову, выкрадет документацию, начнёт гнать биогаз на внешний рынок?! Промышленный шпионаж никто не отменял!

— О таком ловкаче, вздумай он играть ценами на газ, есть кому позаботиться помимо меня! — обаятельно и с добрым выражением лица рассмеялся Совенко. — Неужели вы думаете, что люди, торгующие природным газом, дадут такому развернуться?! Вот насчёт чего я совершенно спокоен, Осип Германович, так это по поводу промышленного шпионажа! Не нужно ничего воровать из сейфа у Фадея Корнеевича. Фадей Корнеевич всё это описал подробно, со схемами и чертежами ещё в советских журналах. Да, узкопрофильных, малотиражных, но в ведущих библиотеках мира они в свободном доступе! В каждой. Так что насчёт сейфа — вы погорячились...

— Могу я передать, — смущённо раскрыл карты Блефе, — что вы категорическим образом отрицаете саму возможность продавать биогаз внешним потребителям?

— Вы можете это передать и добавить: человек, который вздумает так поступить, начитавшись в технической библиотеке журналов «Вестник биологи-

ческой секции АН СССР», — не жилец на белом свете. И Совенко, передайте, понимает это не хуже любого вменяемого человека...

Виталий Терентьевич подумал, помялся — надо ли говорить об этом с «почтовым ящиком». И решил, что всё же надо, а точнее, не сдержался:

— Современный человек, по сути своей, дегенерат, и давать ему халявную прибыль, например, в виде бесплатного топлива — только растлевать его ещё дальше. Трагедия наша в том, что, усложняясь и совершенствуясь до кнопки на пульте, мир высоких технологий в итоге произвёл примитивного пользователя-примата, который убивает мир, даровавший ему кнопку, позволяющую ему убивать мир... Такой вот замкнутый круг, и что с этим делать — никто не знает.

— Президент знает! — оптимистично пообещал Блефе.

— Не льстите отсутствующим, — посоветовал Виталий Терентьевич. — Они не оценят. Никто сегодня на Земле не знает, что делать с приматом, бездумно нажимающим кнопки сложных и могучих устройств. Я тоже не знаю, но знаю другое: денежными дарами эту проблему не решить. Психодинамика сама должна переломить дегенератизм, который богатыри делает нищими, а нищих — ещё более нищими... И если она не справится — то мы с вами ей не замена!

— Вас послушать — так выходит, как будто людям деньги не нужны!

— Почему не нужны? Всем нужны. Только умным рукам для большего ума. А бедовым рукам — чтобы сделать больше беды. Чувствуете разницу?

* * *

Партийная баня охотхозяйства «Золотая горка» по традициям прежней эпохи стыдливо занижала цену своей роскоши. Это, кто забыл, — когда не фанеру крашеную выдают за малахит, как в пустотелой показухе евроремонта, а наоборот. Приглядевшись внутри бани, человек понимал, что она куда дороже и фешенебельнее, чем показалась издали на беглый взгляд.

Всякая власть состоит из насильников, а лишившись их — исчезает и сама, в никуда, уступая другим. Ибо всякая воля есть или преодоление чужой воли, или же трагическое безволие. Если не подавляешь ты — подавят тебя. Но имеются в мире власти, которые заигрываются в «слуг народа», начинают стесняться собственной природы, своей монополии на насилие — и прячутся в лапти, прикрывают дворцы декорациями хижин. Ни к чему хорошему такое поведение не приводит, потому что дешёвая ложь о дешёвой власти всегда бывает раскрыта и всегда растлеывает современников. Умные люди любят власть за дело, глупые — просто так, но никто не любит власть за показухи и прятки. Новая власть учла уроки старой, и новые элементы вокруг старой базы из шептунов превратились в крикунов.

Гостей теперь встречал арт-объект — двухметровая фигура Петра Великого из стеклопластика с повышенной устойчивостью к неблагоприятным погодным условиям. Гирлянды на комплексе и вокруг него создавали буйство света. Рядом с пластиковым царём, «отсель грозящим шведу», высилась сияющая карета. Каркас сделали из алюминия, поверх которого, словно бусы, рассыпали светодиодные огни. Мансарду под коньком остроугольной крыши украсил огромный сверкающий циферблат с движущейся по кругу стрелкой. От него сбегала светодиодная бахрома с эффектом мерцания, разливавшая тёплый белый свет.

Совенко заметно хромал и философствовал. Может быть, к этому располагали плоскогрудые лесопустоши Ингерманландии, особенно по зиме, когда она меняет зелёное платье на прозрачную ночную рубашку снега. В тон им философия выходила у Виталия Терентьевича мрачноватой:

— Из множества страшных видов смерти далеко не самая лучшая — в ловушке униженной беспомощности. Она не кровавая и не жуткая на вид, но очень уж долгая. Она может тянуться десятилетиями: когда ты там, откуда некуда уйти и незачем оставаться. Я посоветовал бы молодым избегать её, но это глупый совет: как избежишь, если судьба? Простой мир хотя бы притворялся туннелем, выводящим на свет. Мечта о лучшем будущем помогала преодолеть и муку, и тоску — даже если оставалась только мечтой. Ныне человека лишили и этого. Современный мир для большинства людей — темный и тесный коридор, заканчивающийся глухим, замурованным тупиком.

Вдвоём с Алиной Очепловой их интимно и томно поглотили стены, умело и дизайнерски симулирующие срубную простоту сучковатых брёвен. Согласно номенклатурной, партийной ещё традиции — Совенко в первую очередь беспокоился о проверяющем:

— Как себя чувствует наш столичный дурак?

— Какой? — кинула взглядом Очеплова. — Считаю с тобой, их два приехало...

— Который помоложе...

— О, ему очень хорошо! Он в гостевом комплексе с двумя премиумными стриптизёршами...

— Рослые?

— Природой не обижены. Девки заводные, горячие, грудастые...

— Я смотрю, отработано у тебя...

— Ну, а то! Сколько лет я разных ревизоров-то принимаю, и не сосчитаешь...

Таким его мало кто видел; и ещё меньше кто радовался, таким увидя. Ибо на любителя оно, если говорить советским языком, «рагу»: костлявое и угловатое. Виталий Совенко сидел совершенно нагой на банном полке оттенков самого светлого из сортов сливочного масла и шлифованном до масляной мягкости прикасаний и был он, на мужской взгляд, очень неприятный: нескладный, сутулый, какой-то

антропологически-помятый. Он и смолоду-то не красавец, а теперь — так просто тошно смотреть. Казалось бы... Мужскими глазами... Женщины его воспринимали иначе. Деньги, наверное, скажет циник, но не будем упрощать до трафарета. У него была ещё и особая, мрачноватая, но магнитная харизма, чёрное, мурашковое спинам, обаяние ископаемого пещерного льва.

Его давний соратник и верный заместитель Максим Львович Суханов говорил про это так:

— Когда он входит в комнату, все, кто там, не сговариваясь, встают...

— Ну, это и неудивительно, учитывая его должность! — возражал героический колобок, заслуженный крабовладелец — самый авторитетный в России авторитет по искусственному разведению промысловых крабов, Алексей Мушной.

— Должность тут ни при чём! — задумчиво покачал головой Максим Львович. — Понимаешь, все вначале вскакивают, и только потом задумываются — «а зачем мы это сделали?» Кабы наоборот — тогда должность, а так что-то иное, можно сказать, потустороннее...

— Ну и давно ты меня стесняться стала? — поинтересовался с полка голый, поросший седым волосом, как благородной патиной времени, окутанный лишь своей харизмой матёрый секач у своей давней подруги, Алины Игоревны Очепловой.

Алина Игоревна, на харизму в его силовом поле не рассчитывая, целомудренно заматалась в простыню, сложив из её уголков красивый, прямо-таки художественный узел на груди.

— Я, Алик, не тебя стесняюсь, ты меня какой только не видел... Попытайся понять, я себя стесняюсь... Перед тобой...

— Вот ещё, выдумала!

— Алик, пойми, я совсем уже не та, какой была в нашу первую встречу... Я старалась следить за собой, но... Ты же понимаешь, что я уже не та... И я не хочу, чтобы ты меня такой видел...

На стенной консоли предбанника крепился закруглённый столик, на нём — серебряное ведро со льдом, в котором аппетитно запотевала бутылка «Столичной», вокруг — стопочки со звёздочками... Совенко отодвинул стопки, достал из резного шкафчика гранёный стакан. И наполнил его до краёв.

— Прими...

— Зачем это?

— Мне тебе с древнерусским поклоном подавать?! — рассердился Совенко. — Говорю же, как врач, — прими, я знаю, что делаю.

В горькой бабьей гордости Алина Очеплова, в девичестве, когда ещё не стеснялась своего тела, Пескарёва, — приняла вызов и выпила весь стакан. Последние несколько капель лихо стяхнула на цветастый половичок предбанника: мол, знай наших!

— Ну, помолодела? — криво скалился голый нескладный академик. — Дурь с извилин смыло?

— Смыло... — Поплывшим жестом рук она распустила свой изящный узелочек тенсеповой, эвкалиптовой ткани, простыни. «А что? — думалось на новую голову. — Всё одно простынка-то полупрозрачная, было б чего скрывать!»

— Вот видишь! — удовлетворённо крикнул Совенко, наполняя стакан холодной водочкой для себя, «вторым номером». — Старая микстура народной медицины, а как помогает...

— Алик, а закуски-то, закуски... — хмельно и весело заволновалась обнажённая и, кстати сказать, в очень хорошей форме, резко помолодевшая Алинка. — Сейчас я тебе икрой багет намажу...

— Себе намажь! — отмахнулся этот самоуверенный наглец. — А я тобой занюхаю...

Притянул фаворитку к себе, зарылся носом в её чёлку, которую она теперь подкрашивает, чтобы не проступили безжалостные серебряные нити...

— Ладно, ладно! — отбиваясь, щебетала она, действительно чувствуя себя двадцатилетней. — На тебе бутербродик, чё ты как ребёнок закусываешь сладким...

— Совсем другое дело! — хвалил свою врачебную практику Совенко. — Вот такой тебя люблю я, вот такой тебя хвалю я!

— Угодила Мойдодыру? — сбиваясь дыханием, томно, от груди, спросила она, чувствуя, как он жадно обхватил ей бедра.

— Ну, не знаю, не знаю, — кокетничал старый распутник. — От дальнейшего поведения зависит... Так-то у нас с тобой всё только начинается, Алинка!

— Брось, Алик, — немного обиделась Очеплова. — Ну что ты несёшь?

— А что? Больше всего на свете я мечтал бы прожить жизнь с тобой, маленькая, кушать с твоих рук, а не столовскую баланду...

— Можно подумать, кто-нибудь, когда-нибудь мешал тебе воплотить этот смелый план...

— Я сам себе мешал...

— Нашёл чем гордиться!

— Алинка, воробушек мой, со мной постоянно жить нельзя. Я токсичный. Это всё равно, что постоянно питаться одним только перцем или чесноком. Иногда для вкуса в основное блюдо добавить, может быть, неплохо... Но каждый день... бр-р! Спроси у Танюсика, я над ней такой эксперимент поставил... До сих пор у неё нервный тик вот здесь... — Совенко легонько постучал указательным пальцем возле левого глаза.

— Ну, не знаю... Я бы попробовала... А вдруг именно у меня бы — и получилось?!

— А Дима как?

— Муж-то? Идёт лесом... Как будто он когда-нибудь ходил другим маршрутом, право слово...

— Я не могу тобой рисковать! — сказал Совенко очень серьёзно, звав полминуты на раздумье. — Ты мне слишком дорога, чтобы на тебе опыты ставить!

Много ли любящей женщине надо? Сказал, мерзавец, вот так две фразы с умным видом — и пожиз-

ненное «кидалово» лёгким движением руки превратилось в нежную заботу... Была бы трезвее, посмеялась, но после стакана «Столичной» всё кажется искренним, пробивает до слезы...

* * *

— Сложная это задача: оживить мёртвую землю. Но задача куда более сложная — оживить мёртвые души. Если серные бактерии выживают даже в кипятке, то, значит, я могу отыскать такую форму клеточной жизни, которая приживётся в любом климате! Нужно лишь отобрать заданные свойства и совместить в гибриде. И появится растение, выживающее, размножающееся там, где камень, подобно сквороде, может изжарить яичницу! Это сложно, но это решаемо...

— А с мёртвыми душами?

— А вот с ними сложнее... Понимаешь, в работе с растениями у них есть господин, владыка, который всё за них решает, толкает их, куда ему нужно. Отыскав видového «посредника», мы преодолеваем несовместимость видов. Вегетативным сближением сводим вместе несводимое. Мы создаём наследственно-обогащённые организмы с расшатанной наследственностью, позволяющей наклонять гибридное потомство в ту или иную сторону. Но лабораторное растение целиком и полностью в моей власти...

— А человек конечно же нет...

— Как быть с величайшим даром Бога человеку — свободой воли? Как быть, если дар перерождается в проклятие? Для того чтобы оживить бесплодные земли, я собираю растение по клеточным кусочкам, я мастерю организм, как часовщик часы, под электронным микроскопом, соединяя нужные мне генетические коды на молекулярном уровне... Но не могу же я человека так собрать! Я ведь не совсем ещё свихнулся и прекрасно понимаю, что методом часовщика, отвёрткой и паяльником, принимая организм за механизм, я создам чудовище, Франкенштейна, нечто, страшнее всего живого и даже страшнее всего мёртвого...

— Тогда чего ты хочешь? Оживляй мёртвые земли и оставь людей в покое, они сами с собой разберутся... И, кстати говоря, давай-ка выйдем из парной, Алик! — указала она на деревянный щиток термометра: здесь не парламент, нельзя так долго преть...

Он сделал неопределённый и какой-то неловкий жест: мол, иди... Как это бывает у людей, привыкших к своей любви, давно горящей без вспышек, без пламени, рассеянным склерозом «ламп дневного света», Алина сразу же почувала, что это неспроста.

— Пойдём, говорю! Удар хватит!

— Ты иди, а я ещё посижу...

— Алик, что случилось? Я же вижу, что тебе плохо... И ты никогда не засиживался в парилке!

— Ничего... Сейчас пройдёт... Ноги чуть-чуть отказали...

Он, не по размеру натянутый на самого себя, беспомощно лакал собственную слюну, сбивая нестер-

пимую сухость во рту. Вот она, человеческая слабость: думал полкí за собой вести, а сам с полкá встать не может...

— И ты готов тут свариться заживо, — сердилась Алина, — лишь бы скрыть от меня тайну Полишинеля? То, что ты тоже иногда бываешь слабым?!

— Как ты всегда мастерски формулируешь, малыш! — восхитился «её» Алик.

Она подлезла к нему под мышку, чтобы помочь встать. Ощущения жуткие — как будто взваливаешь на плечо тряпичную куклу без костей.

— Это пройдёт... — оптимистично пообещал Соленко. — У меня так уже было... Правда, в последний год такое стало чаще случаться...

Вот так всё просто и будет. По-людски. Однажды его прихватит и уже не отпустит. И скоро. Возраст. Образ жизни. Если говорить строго научно, он пережил все сроки, которые могли бы нагадать ему медицина в молодости. Есть такая благородная версия: человека дела на земле держат, недоделанные — не отпускают. А есть реалистичная: просто повезло.

— Богом быть совсем нетрудно! — спорил он как-то с фантастами Стругацкими. — Трудно другое. Трудно быть служителем Бога. Нести, как муравей, то, что больше тебя самого. Не обладая всемогуществом, вести себя так, как будто им обладаешь...

И Алина думала, что Бог принимает его жертву. Трудно объяснить, за что и почему — но принимает. Вот человеку за 70 — но разве по нему скажешь?

Однако однажды временный паралич, которого он стесняется, как подросток энуреза, может быть, потому, что при всей своей медицинской опытности не может объяснить причин, — уже не отпустит.

И что тогда? Может ли она, Алина Игоревна Очеплова, представить себе жизнь без него, самого любимого из ненавистных и самого ненавистного из любимых? Принять всерьёз вот эти его слова: «Одни пекли хлеба, другие клали камни. Те, кто клал камни, жили впроголодь и считались дураками. Умерли и те и эти. После хлебопёков не осталось ничего. После камнерезов — каменные громады. И, глядя отсюда, уже не так очевидно, кто был дураком...»

Как медсестра раненого из боя, что, в общем-то, недалеко от истины, она выволокла его из парилки в просторную комнату отдыха. Уронила на кожаный застеленный рушниками диван, в приятном глазу полумраке, под мерцание настенного плоского телевизора подумала: «Игра сыграна...» А потом вспоминала дальний, давний, совсем не здесь и не сейчас день, но так живо и ярко, как будто не из парилки вышла сюда, а прямо оттуда...

* * *

Это был прекрасный и солнечный день давно минувшего, когда они поехали с проверкой на одно из гигантских советских «водогноилищ», как клеймили их перестроенные газеты, очищаемых по методу академика. Туда, в зацветшую трупно-зелёную воду, ухнули несколько тонн малька белых амуров и тол-

столобиков, каждый из которых сжирает по восемьдесят килограммов самой неподходящей для нормальных рыб водной флоры...

И вода через год стала голубой, манящей, ласковой, шёлково-прозрачной.

— Пошли купаться! — предложила она. Но академик побрезговал. А она — нет. Прекрасно осознавая, как выгодно смотрится в купальнике-бикини, не скрывавшем почти ничего, выпукло и рельефно обозначавшем мокрыми полосками ткани то, что всё же скрывалось... Поплавала в очищенной воде, после чего вышла к нему, как наяда из пены морской, как на полотнах Боттичелли...

— А вот теперь — настоящая проверка! — смеялась чертовка. — Если ты мной после купания не побрезгуешь, значит, действительно веришь в свой метод! Без этого — акта приёмки не подмахну!

Подмахивала иным образом, в янтарно-смолистом раю прибрежных строевых сосен, напоённых ароматами хвойной медовой росы, подарив ему себя и сама одаренная сверх ожидания нисколько не академической, а простой и мужской жадной страстью...

— Ладно, ладно! — по-кошачьи оглаживала его седеющую грудь. — Убедил, аргументатор! Принимаю я у тебя водогноилище...

Они были в восьмидесятых, они были гораздо моложе и счастливее, чем сейчас. И река жизни ещё текла меж живописных берегов, а не впадала, куда она у всех впадает в итоге, в маразм...

— Вот так должны решаться проблемы! — бормотал академик, раскуривая сигару, и она льстила себе, что это он про неё. — Вот так! Гниль расщепляется на чистую воду и рыбу, понимаешь?! А они предлагали слить водохранилище, но разве это решение проблемы?

— Слушай, Виталик, если каждый раз нам с тобой, чтобы уединиться вот так, нужно будет зачистить водохранилище... то несите карту водохранилищ, я готова!

— И будешь целый год ждать? — хитро прищурился он.

— Ну, у нас же другие академические объекты есть... — рассмеялась Алина. — Потренируемся там...

Больше всего её завораживала шарманка его разговоров «после». Иногда даже хотелось побыстрее «кончить», чтобы услышать гипнотический, бархатный тембр, прозу делающий романсом:

— Фундаментальная мечта социализма с его гигантоманией — человек, который делает всё больше и больше. Для этого возрастают и мощь и параллельно — молекулярная точность его устройств. Фундаментальная мечта капитализма — человек, не делающий ничего. Это и есть мечта любого предпринимателя, выйти на ренту, превратиться в обесцененного бездельника. На ранних стадиях эту «нирвану» могли себе позволить лишь немногие. А что, если появится возможность даровать её всем? В виде, например, безусловного базового дохода —

всякому? Ну, они же не звери, и если появится такая возможность — от большой доброты возьмут да швырнут с барского плеча каждому то, о чём сами мечтали для себя веками: пассивную ренту... Чтобы тунеядец укреплялся бы в своём тунеядстве уже с безусловным правом, его разум и личность деградировали бы ещё быстрее, чем сейчас? Это представление о человеке, как о глисте, которому достаточно лишь отыскать питательную среду для его полного и окончательного счастья... Такая среда уничтожит «человека разумного» быстрее и вернее, чем даже концлагеря!

— Не передёргивай, Алик! Человеку нужен отдых. Ты, может, этого не понимаешь, тебя заклонило в лабораторном экстазе, но большинству людей отдых необходим. В двадцатом веке человек очень устал. Он не только физически, но и нравственно надорвался в гомерических мегалитах твоей космической цивилизации, подозрительно смахивающих на строительство египетских пирамид...

— Может быть, может быть... Но человек разумный, как ни крути, хозяин, творец и созидатель, а они мечтают превратить его в пожизненного младенца-иждивенца... Угасающего не физически, не от истощения, а умственно, засыпающего навеки, как усыпляемый кот на столе ветеринара...

* * *

Он и сегодня такой же брызга и многослов, только теперь его периодически парализует. Прить не та, но речь не о мыслях:

— Вот мы открывали метановые танки для внутрикорпоративных нужд... Ты знала, что в горячий газ подмешивают одорант, запах гнилой капусты, чтобы вовремя почувствовать утечку?

— Ну конечно же, разумеется... — раздражалась Алина. — Ну нет! Ещё мне не хватало за газовиками тухлую капусту нюхать!

— Это умно, сероводородная присадка... Но когда гниёт Бытие, запах порой выделяется вкусный, скорее привлекательный, чем тревожный... А в моей жизни всегда был устойчив запах гниения самого Бытия, вне и помимо корпорации... У людей были книги и телескопы, микроскопы и защищавшие их законы... И всё это они променяли на кровавую и злую клоунату современности, у которой ни начала, ни конца, ни смысла, ни выхода... И ведут себя так — словно именно этого всю жизнь и хотели! Плещутся в современности, как опарыши в говне...

— А ты никогда не думал, что людям, может быть, больше ничего и не нужно?

— Думал. Об ошибке Маркса и Ленина. О том, что коммунизм — вовсе не выбор рабочего. Тупица у станка не думает о справедливости, о равноправии, он мечтает выбиться в хозяйчики. Коммунизм — выбор интеллектуалов. То есть людей, живущих напряжённой умственной жизнью, думающих, анализирующих, сопоставляющих. Житейски-компетентных.

И способных на высшие отношения между собой, только потому, что у них высшие формы сознания! Такие люди — всегда трагическое меньшинство, они гаснут в массе, как фитиль в песке, а люди с низшими формами сознания высших отношений не понимают. Им неуютно в сложности, они инстинктивно тянутся к примитиву. Куда поползёт опарыш? Естественно, в то дерьмо, откуда его вынули!

— Это его среда обитания, понимаешь? Был такой мультик, там мальчик из жалости переселил лягушонка из грязного сырого болота в сухую и чистую вату... А лягушонок стал помирать... То, что интеллектуалу кажется адом крошечным, для примитивного зверчеловека — дом родной. Он там себя хорошо чувствует. А в хрустальных дворцах интеллектуального совершенства он не видит ничего, кроме сложности, от которой голова пухнет!

— И что ты хочешь этим сказать?

— Живи сам, Виталий Терентьевич, «как хотите», и дай им жить, как они заслужили.

— Думаешь, не спрашивал себя: по какому праву ты за опарыша решил, что ему будет лучше под палящим солнцем абстрактных истин? А что, если правы французы и мысль — болезнь головного мозга? Паразит, поселившийся в черепе биологического существа и мешающий ему отправлять его нехитрые инстинкты и слабоумно радоваться жизни? Вот так... — Он захихикал, то ли для психологической разрядки, то ли уже сходя с ума от бульжников своих мыслей.

Она встала «утешить самовар» на приставном столике — энергично нагоняя мехами воздух в тлеющую еловую шепу... И подумала — а вдруг? Они же редко видятся, вдруг это последняя встреча? Впрочем, так она думала почти о каждой их встрече...

6

Виталий Терентьевич у себя на даче, на свежем воздухе, похрустывая опавшими листьями и сдувая с лица летучие паутинки осени, тенёта странствующих паучков, гонимых ветрами Подмосковья, возле раскалённого мангала собственноручно готовил шашлык. Шашлык был необычным: овощи-гриль, баклажаны, кабачки, болгарский перец, шампиньоны...

Дача тоже была необычной: выстроена до революции оккультистами для спиритических сеансов, потом выделена новой властью деду Совенко. Унаследованная его отцом, наконец досталась нынешнему владельцу, очень мало изменившись.

Дача — хотя бы просто в силу возраста — была готической, угрюмой, поскрипывающей и постанывающей на разные призрачные голоса, угрюмой, полной тайн и тайников. Казалось, что ближние к мангалу окна дачи чихают отпряного маринадного дыма, облаком уюта окружившего повара-самозванца.

Пожилый мажордом, потомок ещё советской обслуги правительственных дач, следовательно, по-

томственный дворецкий (редкая при Советской власти профессия) Пётр Багман ассистировал «грильургу» в его незамысловатой операции, подавая кружки и колечки вегетарианского гриля.

В силу возраста Пете Багману стало полагаться отчество, но оно всякий раз «улыбалось» окружающих: Пётр Аполлодорович...

Именно в этот бюджетно-пенсионный рай корпоративный советник председателя Феликс Фениксов ввёл недоумевающего венгерского сахарозаводчика Ласло Оменя. Сперва металлической мелодией из часового механизма проскрежетала на уключинах бронзовая калитка, напомнившая о кладбищенских оградах. Потом узенькая витиеватая и «видиеватая» садовая тропинка пошептала под ногами резными кленовыми паданцами...

Виталий Терентьевич, имея под рукой младшего Багмана, в другой руке имел картонку, грубоватую для его общественного положения, которой упоённо помахивал над углями. Иногда «поддавал»: из брызгалки прыскали тоненькие струйки, распуская, будто сплетни, нотки смеси яблочного и бальзамического уксусов.

— Извините за домашний вид! — сказал венгерскому гостю Совенко в вязаном пуловере. — Люблю, знаете ли, повозиться...

— Я тоже, — сознался Ласло, хотя по его нынешнему виду не скажешь.

На нём был куда более уместный в офисе, чем на даче, приталенный строгий костюм с искрой металлизированных нитей в ткани, сорочка цвета «шампань», банкирский галстук в мелкую полоску, на ногах — ласково-лаково отливающие «оксфорды» черного цвета. На лоне осенней славянской природы весь он был неуместен и одеждой и лицом: мажарски-копчёным, черняво-брюнетным, резко-рубленным. Чуть вьющиеся волосы спадали до плеч, над губой топорщились злые колючие тараканьи усики: такими портретисты изображали придворных эпохи Петра Великого...

— Маринуете? — как знаток знатока, спросил Совенко.

— Если гриль из овощей, то нет.. — несколько обалдело ответил Ласло, ибо вовсе не к такому разговору готовился с председателем совета директоров АО «Биотех»!

— Напрасно. Баклажаны немножко надо помариновать, чтобы выпустить из них горечь...

— Баклажаны я мариную. Отдельно, — поражаясь абсурду, говорил Омень. — Остальные просто тщательно промываю...

— Сыр добавляете?

— Шпик добавляю...

— Напрасно. Испортите первородный вкус.

— Он слишком пустой у кабачков, первородный-то...

В Венгрии у бизнесмена Ласло была кличка Омень. И Совенко подумал, как сильно отличается Европа от России. В России его с такой фамилией

непрерывно бы прозвали «Пельменем» или «Оленьем». «Ласло — Масло» — почти гарантированная школьная дразнилка, с точки зрения нейрологии российских школьников. А тут — Омень, мистика, предсказание, киноклассика... Культура, так сказать, в криминальных массах!

— Я знал вашего отца... — сознался Совенко. — Когда он был в руководстве венгерской Компартии...

— Меньше года. А потом под люстрацией — многие годы до самой смерти...

— Хороший был человек...

— Только оставил плохое наследство. Вы не представляете, чего натерпелась семья за его несвоевременную карьеру...

— Нам не понять, — кольнул Совенко. — У нас люстраций не было...

— Наверное, — отомстил ответной шпилькой Омень, — именно так говорили феодалы на задворках Европы после французской буржуазной революции!

— Очень может быть... — покладисто закивал академик.

Ну что же, европейцу ли не знать универсальные основы деловой этики? Если старшие в деле тебя приглашают на танец пустой светской болтовни — надо вальсировать, обходя бизнес, порхать бабочками пустословия...

— Вы знакомы с современным киноискусством Восточной Европы? — поинтересовался сахарозаводчик из Будапешта.

— Нет, конечно же не знаком, — удивился Совенко. Испугавшись, что ему сейчас же предложат ознакомиться, торопливо добавил: — У меня времени на это решительно нет!

— А у меня это, можно сказать, хобби... — грустно улыбнулся Омень. — Я смотрю вечерами наши, венгерские, польские, румынские картины... Их немного, и все они, как бусины, нанизаны на одну нить.

— И какую? — из вежливости поинтересовался Виталий Терентьевич.

— Их нить Ариадны — мрачность, тоскливость, суицидальность. Безмолвный, а иногда и звучный вой. Отражённый в них мир после «бархатных революций» — постоянно провоцирует повеситься или, как минимум, обдолбаться до беспамятства...

— Неужели у вас всё так плохо?!

— Нет, у нас не всё так плохо. Даже в Восточной Европе есть те, кто живёт хорошо. И их даже много. Но обобщить их успех не получается по той же причине, по которой каннибал не может поделиться с жертвой рецептами своей мясной кухни... И вот те, что не обобщают практики, — порой живут весело, беззаботно, комфортно...

— Но художник так не может! — догадался Совенко.

— Да, художник в силу профессии вынужден обобщать, хоть тресни... Вся суть их работы — обоб-